

Сергей Главацкий

«И ты отражаешься в зеркале...»

От начала начал

Я жил столько лет без тебя, что и страшно подумать...
До энной поры первобытной, до энного времени –
Одни Каракумы, во много пластов – Каракумы,
Оазисы в многоэтажной Сахаре – как премии...

И были хамады Меркурия – словно отдушина,
И были Венеры песчаники – словно оскомина,
И каждое солнце – рубин, аквамарин ли, жемчужина –
Мне тиглем казалось – сжигающим, плазменным, доменным.

Пустыни Вселенной исхожены полностью, полно-те!
Позволь мне дотронуться к воздуху, дай же напиток мне... –
Вот в этой острожной моей, убаюканной комнате –
Все ждет тебя – долго, так долго! – сроднясь с небылицами.

Ведь я же погибну, как пить дать – погибну, без глаз твоих,
Без рук твоих, губ твоих, губ твоих – под фейерверками...
Пески переплавились в зеркало, и, пока здравствую,
К нему подхожу я, и ты отражаешься в зеркале...

* * *

Там, где фейерверк наложил на зодиак,
Как отпечаток пальца на твою кожу,
Как самый счастливый день на жизнь,
Нас заметило бестелое око Циклопа –

Остекленевшее небо
С крупинками то ли льдинок, то ли блесток –
И обратилось в стоп-кадр,
Но мы не успели дернуть стоп-кран.
И теперь подснежники –
Будто гремучие колбы тысяч Везувиев –
Светлячками горят,
Закидывают невода с солнечными зайчиками
В тягучие озимые туманы –
В полях мартовских, бесконечных,
Где мы давно уже ходим
На расстоянии вытянутой руки
Друг от друга
И чувствуем в своих объятиях друг друга,
Но из воздуха, а не из плоти,
И ждем, когда от нас отвернется
Мир, мешающий нам видеть
И беречь друг друга,
А если дождемся,
То станет священным
То, что всегда считалось бесстыжим,
И молния станет бить в одно дерево,
Ведь другого просто не будет,
И аисты нас наконец-то услышат.

И никто никогда,
Кроме наших детей,
Не узнает, как я люблю тебя,
Ведь даже чувства такого
Еще не придумали небеса.

* * *

С утра пойдет толченый снег,
Такой, что толком не увидишь,
Каков – ослепший человек,
Каков – в глазу обрюзгший Китеж.

Лото снежинок сменит лед.
Воздушным змеем в Третьем Риме –
Ты в мир отпустишь самолет,
Чтоб он лавировал меж ними.

Не чужь трещин миража,
Не повинуйся отраженьям,
Войдешь в начинку гаража
И станешь собственной мишенью.

И не поймешь, что носишь мор
С собой, что вразной – все птицы,
Что я, мой Свет, так и не смог
Принять, что ты – самоубийца.

И станет Змей воздушный сед,
Упавший в Ирий, и, конечно,
Найдя на энной полосе
Тобой растерянную нежность.

Мой солдат

Мой боец, мой солдат, я теряю тебя,
Будто армию, будто победу над злом.
Если ангелы спят, когда демоны спят,
Я тобой прикрываю себя, как крылом.

Я тобой прикрывался, ты этим – жила,
Это был твой суровый солдатский паек.
Моя армия больше не стоит крыла,
О ней грустные песни сирена поет.

Твоего офицера знобит, мой солдат,
И победа над злом далека, за рекой.
Я поднялся на борт, и – уносит вода
Твоего офицера домой, на покой.

* * *

Мне снилось, что ты меня бросила,
И – бросила нехорошо.
Мне снилось, что жить мне до осени.
Хотелось немного еще.

Мне снилось, что ты повела меня
В дурдом, чтобы больше не знать.
Мне снилось, что я, уже каменный,
Ищу тебя с неба глазами на...
на собственных похоронах.

Проснулся: и правда, что бросила.
И правда, что – нехорошо.
Прошу об одном лишь – чтоб осенью
Среди провожающих оземь иль...
иль тех, что за мной бегут – с косами,
Тебя я глазами нашел.

В нашем средневековье

Не пройдет и нескольких кайнозойских сезонов,
не успею отпустить в небо ни одной пустельги,

я вернусь таиться
в ту стеклянную камеру обскура,
рядом с которой в другой такой же камере
таилась ты,
и дожидаться,
когда смогу дотронуться
до твоего сонного утреннего лица
своими руками.

Затем я буду сидеть на самом берегу моря,
которое всего раз за Вечность было неподвижным,

потому что спокойно было нам,
а ему было спокойно с нами,
и пойму, что никогда не покину его,
потому что люди меняются,
а оно остается нам в утешение,
заменой тем людям,
которых уже не узнать.

Потом я вернусь в тот день, когда
реки становились морями
и оттого мне было просто читать твои мысли,
прикоснувшись своим виском к твоему,
и потому никто-никто не поднимет голос
за оставленные на энной скамейке
энные солнечные очки.

И наконец, я промелькну мимо тебя
среди грохота ежей по тверди,
шума виноградной оторопи
и шепота мыслителей,
но мне только на секунду покажется,
что я промелькнул,
а на самом деле мгновение остановилось,
и я взял тебя за руку.

Я вернусь в это время
навсегда
из мира, из которого я,
как вампир,
выпил всю Любовь
ч-е-р-е-з-т-в-о-и-г-л-а-з-а,
и она сохнет во мне,
и мне некому подарить
ее сухой остаток.

Я стану небесным телом
там, в нашем средневековье,
над построенной нами Землей,
чтобы родиться твоим ребенком.